

РАЗВЕДКА

41 ГО

В тылу
бывает опаснее,
чем на передовой...

АЛЕКСАНДР
ТАМОННИКОВ

ДОНСКАЯ РАНА

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Донская рана

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Донская рана / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-181542-4

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны — участники тех событий. Советское командование планирует освободить Ростов-на-Дону, чтобы запереть фашистов на Северном Кавказе. На первом этапе решено перерезать противнику железнодорожное сообщение. Сделать это нужно молниеносно, но где взять точные разведданные о глубине обороны фашистов? Капитан Глеб Шубин получает приказ добыть нужные сведения. Через линию фронта проникнуть в расположение гитлеровцев практически невозможно — враг усилил бдительность. У разведчиков зреет необычный и очень дерзкий план. Шубину предстоит на время стать... пациентом немецкого военного госпиталя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181542-4

© Тамоников А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Донская рана

Художник – Борис Аджиев

© Тамоников А. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

РАЗВЕДКА

41го

Глава 1

Жгучая боль в предплечье немного утихла, и раненый открыл глаза. Он увидел склонившееся над ним лицо врача. Видимо, врач уже некоторое время звал пациента, но тот только сейчас пришел в сознание.

– Ефрейтор Кнехт! Вы меня слышите?

Раненый с трудом разлепил губы и произнес:

– Да, доктор, теперь слышу. Что у меня с рукой? И вообще, что со мной? Может, меня еще куда ранило? Ведь я ничего не помню.

– Успокойтесь, Кнехт. Согласно рассказу санитаров, которые вас сюда доставили, вас ранили при выполнении боевого задания: вы тянули провод на передовую, когда внезапно появились русские и открыли огонь. Я осмотрел и перевязал рану. Она не очень опасная, пуля прошла навылет, кость не задета. Других ран у вас нет. Так что лечение не должно занять много времени. Полежите у нас дней пять, и я вас выпишу. Можно считать, что вам повезло: говорят, в том районе, где вы сражались, идут очень тяжелые бои.

– А где... где меня ранили? Я что-то плохо соображаю...

– Вас доставили из-под поселка Зимовники. Говорят, там русские рвутся вперед, как дьяволы.

– А где я, собственно, нахожусь?

– В госпитале, Кнехт, в военном госпитале. Вы находитесь в Ростове, в третьем госпитале группы армий «Дон». Чтобы покончить с дальнейшими вопросами, скажу, что меня зовут Гюнтер Вольф, я ваш врач. А теперь отдыхайте, поправляйтесь.

Доктор на прощание потрепал своего пациента по другому, здоровому, плечу и поспешил к следующей койке. «Да, повезло этому ефрейтору, – размышлял он. – Говорят, там, под Зимовниками, была настоящая мясорубка, за сутки погибли никак не меньше пятисот человек. А сколько оттуда поступило к нам раненых! И каких тяжелых! Без рук, без ног, с большой потерей крови... А парню только плечо прострелили. Можно сказать, что он в рубашке родился. Ранили его легко, а между тем он получит медаль «За храбрость». Да, на поле боя он вел себя героически и заслужил награду. И ему действительно повезло...»

Если бы доктор Вольф каким-то чудом смог бы узнать, о чем думает в эту самую минуту связист Эрих Кнехт, он бы, наверное, решил, что сошел с ума. Потому что храбрый немецкий связист думал о том, что первый этап операции, запланированной начальником фронтовой разведки Южного фронта Советской армии полковником Уколовым, прошел успешно. Этот этап предусматривал внедрение капитана Глеба Шубина во вражеский тыл. Теперь он находится в глубоком немецком тылу, в палате 3-го госпиталя и занимает законное место на койке. Только одно беспокоило капитана Шубина: слова врача о том, что его лечение пройдет довольно быстро, и через пять дней его выпишут из госпиталя обратно в свою часть, на фронт. «Если бы меня еще кто-нибудь ждал там, в этой части, – думал Шубин. – А то ведь они очень удивятся, если им скажут, что у них есть такой связист-ефрейтор. И попросят гестапо разобратся, откуда такой связист взялся. И вообще: пять дней мне явно мало, чтобы выполнить задание полковника Уколова и самого командующего Южным фронтом генерала Еременко. Так что мне надо придумать, как здесь задержаться...»

Но каким же образом капитан Красной армии Глеб Шубин превратился в ефрейтора германского вермахта Эриха Кнехта? И как этот лжеефрейтор попал в госпиталь? Это была целая история, в которой принимали участие множество людей из фронтовой разведки и не только из разведки...

...В конце декабря 1942 года Шубин, довольный и счастливый, вернулся из Сталинграда на фронт. Он вернулся из отпуска, который ему дал начальник фронтовой разведки полковник

Уколов. А отпуск стал для Шубина наградой за отлично выполненное задание командования, за сведения, доставленные из немецкого тыла, за ряд диверсий, проведенных в этом тылу. Во многом именно благодаря усилиям Шубина и его боевых товарищей была сорвана операция вермахта «Зимняя гроза», и войскам фельдмаршала Манштейна так и не удалось соединиться с окруженной в Сталинграде 6-й армией Паулюса.

Итак, Шубин вернулся на фронт, предполагая, что сейчас его пошлют в новый рейд куда-нибудь в Зимовники или в Волгодонск, чтобы собирать оперативные сведения в ближнем немецком тылу. Однако в помещении штаба фронта, отведенном для разведчиков, куда Шубин явился, его ожидал не только командир фронтовой разведки полковник Уколов, но и начальник штаба фронта полковник Семенов, и сам командующий фронтом генерал Еременко.

– Ну, что, Шубин, отдохнул? – спросил его Уколов. – Если отдохнул, то смотри сюда, на карту, и слушай. Будем тебе новое задание ставить.

Он подошел к висящей на стене карте, на которой был изображен весь Северный Кавказ, и стал объяснять.

– Как ты знаешь, мы отогнали немцев от Сталинграда. И теперь у нашего командования возник замысел еще более крупной операции. А что, если нам взять врагов в еще один котел, более крупный? Что, если окружить всю немецкую группировку «Юг», занявшую весь Северный Кавказ и старающуюся прорваться в Закавказье? Ведь для этого требуется занять только один пункт – Ростов-на-Дону. Или даже не сам Ростов, а его пригород Батайск. В таком случае мы прервем сообщение немцев со своими войсками на Кавказе, отрезав железную дорогу.

Указка Уколова уперлась в кружок Ростова, нарисованный в устье Дона, а затем переместилась севернее, к Батайску.

– Если мы возьмем Ростов или Батайск, то немцам деваться с Кавказа будет некуда – только по морю эвакуироваться, через Новороссийск. Но всю армию на баржах не вывезешь. Так что для Гитлера это будет еще одна катастрофа, почище Сталинграда. Вот почему Андрей Иванович, – тут Уколов покосился на командующего фронтом, – и выдвинул план по быстрому освобождению Ростова. Надо не дать немцам уйти! А для этого требуется наступать быстро, не давая им закрепиться на промежуточных рубежах. А для такого быстрого продвижения что требуется?

– Конечно, полная информация о противнике, – ответил догадливый Шубин. – А значит, нужна глубокая разведка.

– Вот именно! – воскликнул Уколов. – Именно что глубокая! И проведение такой разведки мы поручаем тебе.

– Значит, мне надо готовиться к новому рейду? – с готовностью выполнить задание спросил капитан. – На сколько дней – на три? Или на пять?

Уколов, Семенов и Еременко переглянулись, и начальник разведки покачал головой.

– Нет, Шубин, – сказал он, – не на три и не на пять. Твое новое задание рассчитано почти на месяц. И проведешь ты этот месяц не на мотоцикле и не в лесу. Ты проведешь его на больничной койке, в относительно комфортных условиях.

Вот такого оборота событий разведчик совершенно не ожидал!

– Почему «на койке»? – спросил он. – И в какой больнице?

– Больница, естественно, будет немецкая, – ответил Уколов. – Точнее, это будет не больница, а военный госпиталь. И находиться он будет в том самом городе, который мы должны освободить, то есть в Ростове. Ранение у тебя будет легкое, ты сможешь ходить, гулять... А гуляя, будешь собирать информацию и с помощью радиации передавать ее сюда, в штаб. Все это очень удобно для целей разведки. Но есть в этом деле и один неприятный момент. Ты действительно будешь ранен. Правда, легко.

– И когда же меня ранят? – спросил Шубин. – При переходе фронта?

– Нет, фронт ты должен перейти вполне здоровым, – ответил Уколов. – А ранят тебя уже в Ростове, и сделает это твой товарищ по проведению операции, наш резидент в Ростове. Да, у нас в этом городе имеется свой резидент, глубоко законспирированный человек. Он выстрелит тебе в плечо, а затем снабдит всеми нужными документами и устроит тебя в немецкий госпиталь. Вопрос вот в чем: готов ли ты на такой риск, на боль, на страдания?

Шубину не нужно было долго думать, чтобы ответить на этот вопрос.

– Да, готов, – твердо ответил он. – Конечно, задание непривычное, но... все когда-то происходит впервые.

Тут, в первый раз с начала беседы, заговорил генерал Еременко.

– Молодец, Шубин! – сказал он. – Иного ответа я от тебя и не ждал. Но ты должен еще сейчас, находясь здесь, хорошо продумать все, что с тобой случится, все, что тебе предстоит сделать. Иван Трофимович тебе в этом поможет. Операция не должна сорваться ни в коем случае! Мы многого от нее ждем. Уяснил? Ну, теперь мы с Виктором Борисовичем вас оставим – своих дел много. А вы с Иваном Трофимовичем обговорите необходимые для выполнения задания детали.

Командующий с начальником штаба ушли, а два разведчика начали обговаривать детали предстоящей операции и готовиться к ней. Эта подготовка заняла пять дней. Уколов давал Шубину все новые вводные, а капитан должен был их запомнить и повторить. Кроме того, с Шубиным занимались несколько специалистов, которые учили его разным разведывательным навыкам. Капитана учили устраивать тайники для хранения рации и документов. Но самые необычные занятия с Шубиным проводил пожилой штатский, внешне похожий на индуса. По-русски он говорил с сильным акцентом. Он учил разведчика управлять своим телом. Так, Шубин научился задерживать дыхание до полной остановки – и, наоборот, ускорять жизненные процессы, так что у него повышалась температура, ускорялась циркуляция крови и открывались уже залеченные раны. Правда, времени на эту последнюю подготовку явно было отведено мало, на что «индус» сетовал. Он говорил, что Шубин – талантливый ученик, и если бы им дали для занятий не пять дней, а два-три месяца, можно было достичь отличных результатов.

Но полковник Уколов не собирался давать такой срок.

– Через пару месяцев мы уже на Украине должны быть, – говорил он. – А Ростов должен находиться у нас в тылу. Так что обойдешься тем, что есть. Скажи: температуру ты научился повышать?

– Научился, – ответил Шубин. – Но Давид Барагорович говорит...

– Знаю я, что он говорит, – прервал Глеба Уколов. – Что тебе еще позаниматься нужно. Может, и нужно, но времени нет. Ты лучше скажи: данные для контакта с резидентом ты запомнил?

– Да, тут я все помню, – ответил разведчик. – Повторить?

Уколов велел повторить, и Шубин в который уже раз принялся рассказывать, как он будет искать резидента. Советского разведчика в Ростове звали Роберт Альбертович Петерс. По национальности он был латыш, но, живя в Риге, пользовался немецким языком, и тот стал для него как родной. Теперь в Ростове Петерс выдавал себя за немца, и это у него успешно получалось. Он служил переводчиком в штабе генерала Гота, был там на хорошем счету. Правда, как рассказал Шубину Уколов, в последний месяц положение Петерса осложнилось. Резидент почувствовал, что немцы перестали ему доверять. В отведенной ему комнате был незаметно проведен обыск. Обыск старались провести незаметно, но Петерс, будучи человеком опытным, заметил, что в его вещах копались. Стало ясно, что резидента могут в ближайшее время раскрыть, а значит, ему надо бежать. Устройство Шубина в немецкий госпиталь должно было стать последним действием резидента на своем посту.

Самый сложный момент операции Шубина состоял в том, чтобы благополучно добраться до станицы Манычской, где располагался штаб Гота, и встретиться там с Петерсом. Капитан

решил воспользоваться для этого образом, который стал для него уже привычным – на время стать немецким дорожным инспектором. Он уже использовал этот образ во время прошлых операций, и этот опыт был вполне успешным.

...Пять дней подготовки пролетели, как одна минута. И вот 31 декабря, в новогоднюю ночь, Шубин, одетый в форму немецкого дорожного инспектора, снабженный всеми необходимыми документами, ехал в штабной машине, которая направлялась в сторону фронта. Переход фронта планировался в районе поселка Зимовники, где шли тяжелые бои. Это место для перехода выбрали потому, что немцы здесь отступали, фронт был нестабильным, и можно было найти брешь, в которую мог просочиться советский разведчик. Кроме того, поселок Зимовники играл особую роль в легенде Шубина – в нем, согласно легенде, ранили немецкого ефрейтора Кнехта, в шкуре которого Шубину предстояло жить ближайшие три недели. Надо было присмотреться к местности, запомнить, где здесь дорога, где течет река, чтобы потом уверенно отвечать на вопросы, если такие вопросы у кого-то возникнут. Ну, а время для перехода фронта выбрал полковник Уколов. Он решил, что в новогоднюю ночь, как и в ночь перед Рождеством, немцы будут думать о празднике, а не о несении службы. Он готов был пожертвовать собственным застольем в штабе, лишь бы лично наблюдать за переправкой Шубина на другую сторону фронта.

Погода в эту новогоднюю ночь была на стороне разведчиков. С утра небо хмурилось, а потом начался снегопад. К вечеру он усилился, превратившись в настоящую метель. Снег залеплял глаза, уже в десяти шагах ничего видно не было. До Нового года оставалось пять минут, когда из метели, прямо перед капотом машины, возник человек в офицерской шинели, который приветственно махнул рукой. Машина остановилась, Уколов и Шубин вышли из нее.

– Ну, что, лейтенант, какова обстановка? – спросил Уколов.

– Все в порядке, товарищ полковник, – ответил тот. – Ребята докладывают, что немцы вовсю отмечают Новый год, в блиндажах слышны песни. Часовые, конечно, стоят на постах, но у них внимание тоже ослаблено. Так что пройти можно будет.

– А мотоцикл здесь?

– Так точно, еще вечером пригнали. Все системы исправны, ребята проверили; бензобак доверху залили горючим.

– Хорошо.

Уколов повернулся к Шубину.

– Ты как, капитан, прямо отсюда поедешь или хочешь сначала машину через линию фронта перевести, а только потом на мотоцикл садиться? – спросил он.

– Нет, отсюда ехать нельзя, – ответил разведчик. – Враз засекут. Придется за рога вести.

– Ну, тогда с богом, – сказал начальник фронтовой разведки.

Они пожали друг другу руки, Шубин кивнул лейтенанту, который позаботился о его переходе, взял мотоцикл за рога и повел его прямо через снежное поле вперед, на юг. Вскоре провожавшие его люди скрылись в метели. Шубин шел и шел, время от времени поглядывая на компас. Он знал, что примерно в километре от линии фронта он должен выйти на дорогу, которая вела из Зимовников на юг, к Ростову. Надо было протащить тяжелую машину этот километр через ухабы, через сугробы, которые росли прямо на глазах. Но сил у Шубина всегда хватало, упрямства тоже, так что он двигался вперед, хотя и медленно. И спустя час увидел впереди насыпь. Трудно было вкатить мотоцикл наверх, но разведчик справился. И вот наконец он оказался на трассе.

Теперь дело пошло легче. Шубин сел в седло, запустил мотор. Хотя и не с первой попытки, но двигатель завелся, разведчик крутанул ручку газа – и покатил вперед. До станицы Манычской, где располагался штаб Гота, ехать было недалеко – всего около тридцати километров. Время еще не подошло к двум часам ночи, когда Шубин подъехал к станице. Немного

поплутав по ней, отыскал штаб. Поставив мотоцикл возле крыльца, поднялся на крыльцо и попросил часового:

– Скажи, камрад, я не могу зайти, минутку погреться у вас в штабе? А то я весь день в седле, дежурил на дороге, регулировал движение машин к фронту. Я бы посидел четверть часа в тепле, да и поехал к себе, сдавать дежурство.

Дорожных инспекторов обычно не любят, но часовой не был водителем и никогда не сталкивался с придирчивыми стражами дорог. К тому же этот незнакомый ефрейтор обращался к нему так заискивающе, так просил, что отказать ему было трудно. И часовой пропустил его в штаб, объяснив, что тому ни в коем случае не нужно идти в главное помещение, где проходят заседания штаба. А нужно, войдя в дом, повернуть направо. Тогда попадешь в дежурку, в которой всегда тепло, и там можно погреться.

Шубин не слишком внимательно слушал эти объяснения. Дело в том, что расположение комнат в штабе генерала Гота он знал наизусть – выучил его, еще когда готовился к операции. Поэтому, войдя в штаб, он уверенно повернул в нужную сторону и быстро отыскал нужное помещение. Войдя в него, он увидел небольшую комнату, где вдоль стен стояли койки; на них спали часовые, чья смена еще не наступила. А в центре комнаты стоял стол, и за столом сидел человек лет сорока, с большой залысиной, в мешковато сидящем мундире со знаками капитана.

Шагнув в комнату, Шубин сказал:

– Вижу, вы тоже не спите в новогоднюю ночь, господин капитан? Ждете, когда придет Санта-Клаус с подарками?

– Нет, ефрейтор, – не оборачиваясь, ответил человек в мешковатом мундире. – Я давно не верю в Санта-Клауса.

И только после этого, обернувшись, он внимательно посмотрел на вошедшего. А Шубин, в свою очередь, так же внимательно смотрел на переводчика капитана Петерса. Он смотрел на человека, от которого во многом зависел успех их общей операции, зависела его жизнь. Он точно знал, что перед ним именно Роберт Петерс, советский резидент при немецком штабе. Ведь фразы, которыми они только что обменялись, представляли собой пароль и отзыв, и Шубин знал их наизусть.

– Ну, здравствуй, Роберт, – сказал он.

И услышал в ответ:

– Здравствуй, Глеб. Я тебя ждал...

Глава 2

С недавних пор начальник разведки группы армий «Дон» майор Генрих Зиммель начал чувствовать, что в тылу немецких войск действует советский разведчик. Это было что-то вроде интуиции, а своей интуиции майор Зиммель привык доверять. Хотя в этом случае были не только чувства, но и факты.

В последние две недели перед Новым годом, и после праздника тоже, русские проявляли поразительную осведомленность о новых операциях германских войск. Например, фельдмаршал Эрих фон Манштейн, непосредственный начальник майора Зиммеля, задумывал нанести русским мощный танковый удар в районе реки Маныч, на левом фланге своих войск. Никаких серьезных боев в этом районе до сих пор не велось, и русские никак не могли знать, что немцы именно туда направят главные силы. Так что можно было рассчитывать на успех этого наступления, хотя бы в первые сутки.

Но нет, никакого успеха развить не удалось. Лишь только германские танки двинулись в атаку, как их встретил шквальный огонь русских, производившийся из всех стволов. Атака закончилась, по сути, даже не начавшись, немецкие войска понесли большие потери.

Или позже, в первый день нового года немцы задумали нанести удар совсем в другом месте, в районе станицы Тацинская. И снова русские заранее перебросили туда дополнительные силы, расположили свою артиллерию, и планируемое быстрое наступление превратилось для немцев в настоящую мясорубку.

Один такой эпизод еще можно было списать на случай. Но два случая подряд – это уже не случайность, а закономерность. Это могло означать только одно: в тылу у немцев действует опытный советский резидент. Причем этот человек находился совсем рядом с тем местом, где принимаются самые важные решения. Он находился рядом с Зиммелем; возможно, они даже не раз встречались. А между тем начальник германской разведки ничего не знал о своем противнике. Терпеть такое положение дальше было невозможно; надо было принять срочные меры. И майор Зиммель их принял.

Он вызвал своих лучших оперативников – капитанов Таудлица и Хорста – и приказал им проверить работу всех людей, служащих в штабе группы «Дон» или рядом со штабом.

– Где-то здесь, совсем рядом с нами, скрывается русский «крот», – объяснял Зиммель своим подчиненным суть задания. – Скорее всего, это какой-то мелкий чин. Он человек совершенно незаметный, и внешность у него тоже непримечательная. Однако он регулярно присутствует на совещаниях нашего руководства и знает все наши планы. Это может быть адъютант, связист, шифровальщик... переводчик, в конце концов. Ведь в нашу группу армий входят в том числе и румынские части, румынские офицеры присутствуют на совещаниях в штабе. Им требуется переводчик. Может быть, он работает не только на наших союзников? В общем, вы должны составить мне список подозреваемых. Даю вам на это два дня.

Таудлиц и Хорст были людьми исполнительными и в указанный срок представили своему начальнику требуемый список. В него вошли пять человек. Третьим номером в этом списке значился переводчик при штабе генерала Гота Роберт Петерс...

Следующим приказом Зиммель установил за всеми пятью подозреваемыми слежку. Он потребовал от своих оперативников, чтобы они узнали все контакты этих пяти человек, маршруты их передвижений, даже прогулок в свободное время.

– Понимаете, парни, – говорил Зиммель, – этому «кроту» необходимо не только собрать сведения о планах наших войск, но и вовремя их передать русскому командованию. Сделать это можно либо с помощью рации, либо через связного или даже нескольких связных. Роль связного может выполнять совсем уж посторонний человек – например, женщина... Следите за каждым шагом этой пятерки! Нужно выделить среди них одного и взять его! Вперед!

Немецкие оперативники бросились выполнять задание. Они выяснили, что один из людей, числившихся в списке, адъютант генерала Гота Франц Риверс, является заядлым охотником. Он настолько увлечен любимым делом, что продолжает им заниматься даже здесь, на фронте, среди грохота боев.

– И на кого же охотится наш любитель? – поинтересовался Зиммель, когда ему доложили об увлечении адъютанта. – На медведей?

– Нет, господин майор, Риверс охотится на птиц, – ответил капитан Таудлиц. – На уток, на куропаток. Он ходит с винтовкой на берег реки Маныч и там стреляет птицу.

– Очень интересно! – заметил Зиммель. – А вы не заметили, не встречается ли он заодно там, на реке, с каким-нибудь неприметным человеком? Или, может быть, он достает из какой-нибудь ямки рацию и ведет передачу?

– Нет, господин майор, – дружно ответили подчиненные. – Ничего подобного мы не видели. Он только охотится.

– Хорошо, а другие люди из вашего списка? – продолжал допрашивать подчиненных Зиммель. – Неужели они никуда не ходят, ни с кем не встречаются?

Оперативники ответили, что остальные четверо тоже кое-куда ходят и встречаются. Например, майор Нолль не может жить без женщин и часто посещает офицерский публичный дом. А капитан Кнебель – страстный картежник, ходит в блиндаж майора Доббса и играет там в карты.

– Вот у кого совсем нет увлечений, так это у штабного переводчика капитана Петерса, – заявил Таудлиц. – Если он не занят на работе, он иногда гуляет.

– И где же гуляет переводчик? – спросил Зиммель.

– То там, то здесь, – прозвучал ответ. – Часто ходит по берегу Маныча – там же, где любит охотиться майор Риверс. А насчет встреч... Можно сказать, Петерс ни с кем не встречается. Единственное, что удалось узнать – что в новогоднюю ночь переводчик сидел один в помещении штаба, и туда зашел погреться дорожный инспектор. Мне об этом рассказал часовой, дежуривший в ту ночь, и его сменщик, который собирался на смену и зашел в ту комнату попить чая. Он свидетельствует, что Петерс и этот неизвестный инспектор обменялись буквально парой фраз.

– Дорожный инспектор? – сказал Зиммель. – Это интересно. Месяц назад у нас тут в Котельниково появился один инспектор, которого никто не знал, и который оказался русским шпионом. Ну-ка, Таудлиц, выясните, что это за человек заходил в штаб в новогоднюю ночь. Ведь можно установить его личность, не так ли?

Немецкий оперативник бросился выполнять задание, но спустя сутки пришел к своему шефу обескураженный.

– Что-то странное с этим инспектором, господин майор, – доложил он. – Я побывал в нашей дорожной полиции, познакомился со всеми, кто там работает. Оказалось, что в новогоднюю ночь ни один из них не находился на службе – все отдыхали. Тогда я привез туда, в инспекцию, того часового, который пустил инспектора в новогоднюю ночь в штаб. Часовой осмотрел всех инспекторов – и не узнал человека, который обратился к нему в новогоднюю ночь.

– Значит, это он! – вскричал майор Зиммель. – Человек, которого мы ищем, «крот», окопавшийся в штабе – это Петерс. А «инспектор», явившийся к нему в новогоднюю ночь – русский связной. Ищите дальше, Таудлиц, разрабатывайте линию «инспектора». Скажем, интересно, где он взял мотоцикл, и где этот мотоцикл сейчас? А вы, Хорст, проведите обыск в комнате, которую занимает Петерс. Только делайте это очень аккуратно – русский резидент не должен заметить, что мы им заинтересовались. А я распоряжусь, чтобы наши радисты ловили все сигналы, которые исходят из нашего района. И я уже знаю, какой результат мы получим после этого прослушивания эфира!

– Какой же, господин майор? – спросил любопытный Хорст.

– Мы получим сразу два результата, – охотно ответил Зиммель. Он был тщеславен и любил хвастаться своей сообразительностью, своими успехами. – Во-первых, мы узнаем, что такие радиопередачи регулярно ведутся. А во-вторых, выяснится, что время передач всегда совпадает со временем прогулок Петерса. Понимаете? Он во время прогулок достает рацию из тайника и передает информацию русскому командованию. И мы должны его поймать за этим занятием. Вперед, ребята!

Этот разговор происходил 3 января. А уже на следующий день немецкие перехватчики засекли короткую передачу, которую вел с помощью шифра неизвестный радист. Но вот незадача! В то время, когда шла эта передача, штабной переводчик Роберт Петерс сидел на совещании, которое проводил генерал Гот, и переводил речь генерала румынским и венгерским союзникам. Майор Зиммель не знал, что и думать. Единственное объяснение, которое пришло ему в голову, что у русского резидента есть помощник, радист, которому Петерс передает сведения, а тот уже ведет передачу. Слежку за Петерсом усилили, переводчика обложили со всех сторон, как волка, на которого объявлена охота.

Однако прошла неделя усиленного наблюдения за Петерсом, а никакого радиста так и не удалось найти. Ничего не оставалось делать, как арестовать переводчика, не имея против него, в сущности, никаких улик. Арестовать и передать в руки гестапо. Пусть уже их люди добывают нужные сведения. У них, как известно, и мертвые начинают говорить. О том, какими методами добывается такой результат, майор Зиммель старался не думать. Он был солдат, он был хороший специалист, а не палач. Но интересы дела, интересы Германии превыше всего! И Зиммель уже готовился передать документы на Роберта Петерса в местное отделение гестапо, когда ему сообщили, что переводчик исчез. Вечером он еще был, лег спать, как обычно. За ним теперь велось круглосуточное наблюдение. И агенты, которые вели наблюдение, уверяли, что не спускали глаз с квартиры, которую занимал переводчик. Однако вот странное дело – утром Роберта Петерса на месте не оказалось...

Майор Зиммель надеялся, что с бегством резидента утечка данных из штаба прекратится. То есть нужный результат будет достигнут. Однако уже на следующее утро ему доложили, что русские атаковали самый слабый участок немецкой обороны и потеснили германские войска сразу на двенадцать километров. Оборону с трудом удалось снова наладить. А ведь никто у русских не знал, что у немцев этот участок – самый слабый. Как же случилось, что секретные сведения все же оказались у русских? Ведь у них теперь не было на Дону своего резидента? Или он все же был?

Глава 3

Спустя сутки после того, как ефрейтор Кнехт пришел в себя на больничной койке, его жизнь в госпитале потекла своим чередом. Он перезнакомился с соседями по палате, узнал, из каких они частей, где и когда были ранены. Ефрейтор оказался человеком любознательным, он всех обо всем спрашивал. А ведь известно, что людям нравится, когда их делами интересуются, когда спрашивают их мнение о том о сем. Например, о положении на фронте. Так что соседи охотно делились сведениями с новым товарищем.

А ефрейтору Кнехту (точнее, капитану Шубину) только этого и было надо. Большую часть сведений для первого донесения в штаб он собрал вот так, не выходя из палаты. Номера частей, которые участвовали в боях, примерные цифры потерь, задачи, которые командование ставило перед этими частями – все это соседи по палате рассказали связисту Кнехту, и все эти сведения легли на стол перед полковником Уколовым.

Передачу информации Шубин наладил следующим образом. Еще при первом свидании в новогоднюю ночь Роберт Петерс описал Шубину старый разрушенный дом на южной окраине Ростова. Дом был разрушен артиллерийским огнем еще в 1941 году, во время наступления немцев на Кавказ. Использовать его было невозможно, и домом никто не интересовался. При доме имелся курятник. Всех его обитателей, кого не убило снарядами, прибрали соседи, так что курятник стоял пустой. Тем не менее на его дверях имелся здоровенный замок, так что посторонний не мог туда попасть. Вот в этом курятнике Шубин и Петерс встретились на следующее утро после первого свидания, то есть 1 января. Там, в подполье, Шубин спрятал свою рацию, а также автомат, несколько гранат и запас документов – на всякий случай.

И там же, в курятнике, капитан Шубин превратился в ефрейтора Кнехта. Сначала он переоделся в форму немецкого связиста – ее заранее приготовил Петерс. А затем произошло то, о чем полковник Уколов предупреждал как о неприятном событии: Петерс выстрелил Шубину в предплечье из пистолета «ТТ». Даже если бы пуля попала в кость и застряла, и ее потом извлекли бы немецкие хирурги, у них не могло возникнуть вопросов: ведь это была русская пуля.

Однако Петерс был точен, пуля прошла мимо кости и вышла из тела. Петерс сделал «ефрейтору» перевязку, а затем сел на мотоцикл, положил раненого в коляску и поехал в Зимовники. Шел первый день нового года, за движением на дорогах никто не следил, так что Петерса никто не остановил до самых Зимовников. А здесь резидент изобразил из себя штабного офицера (каким он и был), попавшего ненароком на фронт, в самую гущу боя (а вот это была часть легенды). Испуганный штабной переводчик привез раненого для отправки на санитарном поезде, стоявшем на станции, и поспешно сдал санитарам. Объяснил, что санитары в этой части все были заняты, бой шел тяжелый (и это снова была правда), вот он и вызвался подвезти раненого.

Так что прощаться, говорить напутственные слова – для всего этого у Петерса и Шубина условий не было. Переводчик вернулся в Ростов и загнал мотоцикл (за которым в тот момент еще никто не охотился) в тот же курятник. Ключ от курятника лежал в мешке у раненого связиста Кнехта. Вот таким образом произошло внедрение Шубина в положенное место в немецком тылу.

Теперь оставалось только понять, как пользоваться имевшимися возможностями. Уже на второй день своего пребывания в госпитале Шубин обратился с просьбой к доктору Вольфу:

– Господин Вольф, вы позволите мне совершать небольшие прогулки? Вы же сами говорили, что ранение у меня легкое, я только крови много потерял, и скоро вы меня выпишете. А больному что всего нужнее?

– Нужнее всего правильное лечение и хороший уход, – наставительно заметил немец.

– Совершенно верно! – поддержал доктора раненый. – А еще больным полезен свежий воздух. Метель утихла, погода прекрасная – так почему бы мне не погулять?

– Скоро вы, ефрейтор, и так сможете вдоволь надышаться свежим русским воздухом, – сказал доктор Вольф. – Когда вернетесь на фронт, воздуха у вас будет много. Лучше лежите, отдыхайте. Вам осталось здесь находиться недолго, от силы три дня.

– Три дня тоже срок, – заметил Шубин. – Кроме того, мне сказали, что тут поблизости есть пивная...

– Так вы у нас большой любитель пива? Так бы и сказали сразу! – рассмеялся доктор. – Ладно, гуляйте, я выпишу вам разрешение. Скажу вам по секрету, Кнехт: я тоже люблю пиво. И я вас понимаю, очень понимаю!

– В таком случае, господин Вольф, мы с вами можем встретиться там, в пивной, – заметил связист. – Я обязательно вас угощу. Должен же я вам как-то отплатить за вашу доброту!

– А что это вы такой щедрый? – поинтересовался врач. – Сорвали куш в трик-трак?

– Нет, я не очень сильный игрок, – ответил связист. – Просто я неплохо зарабатывал в мирной жизни, когда работал мастером на заводах Сименса. К тому же перед самой войной у меня умер дядя, который оставил мне небольшое наследство. Так что у меня найдется достаточно рейхсмарок, чтобы вас угостить.

– Договорились! – согласился доктор Вольф. – Сегодня же получите разрешение на выход в город.

Так что уже вечером 2 января Шубин смог выйти за пределы госпиталя. Естественно, он сразу же поспешил «на свой насест», как он называл курятник, отданный ему Петерсом. Благо этот курятник находился всего в нескольких кварталах от госпиталя – Петерс, выбирая место для тайника, предусмотрел и этот момент. В этот вечер в штаб Южного фронта ушла радиограмма, в которой Шубин отправил сведения, полученные от соседей по палате. Их было не так много, но важно было с чего-то начать.

Передав радиограмму, Шубин спрятал рацию в тайник и поспешил в другую сторону – к пивной. Он не сомневался, что доктор Вольф в этот же день захочет воспользоваться щедростью ефрейтора Кнехта – тем более что ефрейтор, как он сам признался, недавно получил наследство и был при деньгах.

На самом деле деньги Шубин получил там же, где рацию и документы ефрейтора Кнехта, то есть в отделе разведки Южного фронта. Вот кто был его «богатый дядюшка», и вот на какие деньги собирался пировать доктор Вольф.

Как выяснилось, Шубин был прав относительно доктора: когда «ефрейтор Кнехт» пришел в пивную, доктор был уже там. Он с удовольствием принял приглашение связиста, и они выпили сначала по кружке, потом еще по одной... Попивая пиво, доктор рассказывал о наиболее интересных случаях из своей врачебной практики. А «связист» охотно слушал эти рассказы и выпрашивал подробности: откуда поступали наиболее тяжелые раненые, в каких частях они служили. Копилка сведений, получаемых Шубиным в госпитале, за этот вечер еще пополнилась.

Однако ему нельзя было надеяться только на рассказы больных и самого доктора Вольфа. Нужны были более важные, тщательно оберегаемые немецким командованием факты. Их Шубин начал получать уже с 4 января – и, конечно, не в госпитале. О поставщиках информации также позаботился Роберт Петерс. В тот короткий срок, который они провели вместе в новогоднюю ночь в курятнике, резидент не только обеспечил Шубина документами и раной в плече, он также передал ему наработанные связи.

Основным поставщиком информации был сам Петерс – он многое узнавал в немецком штабе, в котором служил. Туда, в штаб генерала Гота, стекались сведения и с других участков фронта. Так что Шубину лишь оставалось получать записки Петерса, превращать их в зашифрованные донесения и передавать советскому командованию.

Однако уже 4 января Петерс сообщил в своей записке Шубину, что донесение, которое разведчик сейчас читает, последнее. «Немцы стали меня подозревать, – писал Петерс. – У меня в комнате провели обыск, за мной установлено наблюдение. Следует ждать ареста. Я больше не смогу приходить сюда и оставлять донесения. Передайте это командованию. Даст ли оно мне разрешение вернуться к нашим частям? Если такое разрешение будет дано, завтра постарайтесь мне об этом сообщить. Стойте в шесть вечера у входа в госпиталь и держите в руках белый носовой платок. Это будет означать, что разрешение получено. Тогда я постараюсь исчезнуть и перейти линию фронта. А вы останетесь нашим резидентом в Ростове вместо меня. Ищите другого информатора. Верю, что вы его найдете».

Шубин передал сообщение Петерса в штаб, и тут же получил ответ. Полковник Уколов разрешал советскому резиденту передать свой пост Шубину и скрыться. Поэтому на следующий вечер, прежде чем отправиться в курятник, Глеб постоял на улице у входа в госпиталь с белым платком в руке. И увидел, как по другой стороне улицы прошел Петерс. А в нескольких шагах за ним, маскируясь под обычного солдата, шел немецкий оперативник. Так Шубин в последний раз видел своего предшественника на посту советского резидента в Ростове. И с этого дня он начал поиски информатора среди немецких военных.

Впрочем, Петерс был не единственным поставщиком информации для Шубина. За время своей службы на Кавказе резидент успел завербовать еще двоих человек. Одним из них был железнодорожный мастер Петр Чижов. Его, в общем, даже вербовать было не нужно: Петр Егорович сам искал, как бы ему навредить немцам, только не знал, как это сделать. Он поставлял нашим разведчикам – сначала Петерсу, а затем, начиная с января 1943-го, Шубину – информацию о движении немецких воинских эшелонов, о том, что и куда везут. На основании этих данных наши специалисты могли понять, на каких участках фронта немцы готовят удары, а откуда, наоборот, забирают силы.

А еще одним поставщиком информации была Аня Мухина, которая работала официанткой в немецкой солдатской столовой в Ростове. Она тоже, как и Чижов, ненавидела оккупантов и хотела с ними бороться. Когда она осенью 1942 года только шла на работу в столовую, она знала два десятка немецких слов, не больше. Но у нее, как видно, были способности к языкам – за время работы Аня в совершенстве овладела немецким, стала также понимать румынский и даже венгерский, который считается очень трудным языком. Слушая разговоры солдат, ефрейторов и фельдфебелей, она узнавала много интересного, и все это пересказывала нашим резидентам.

Так что маршруты прогулок Шубина постепенно усложнялись и удлинялись. Кроме пивной, где его ждал доктор Вольф, и курятника, где его дожидалась рация, разведчику также нужно было посетить железнодорожное депо и солдатскую столовую. Прогулки получались продолжительные, зато очень полезные.

Но ведь доктор Вольф сказал своему пациенту, что тому недолго оставалось лежать в госпитале? Ведь доктор был уверен, что рана ефрейтора Кнехта уже почти зажила?

Все вроде так, но вот такая штука: эта самая рана в плече упорно не хотела заживать! Днем доктор накладывал на нее повязку, делал пациенту все нужные для скорейшего выздоровления уколы, и дело явно шло к выписке. Однако за ночь рана по непонятным причинам вновь воспалилась, температура у больного повышалась, и к утру он чувствовал себя плохо – едва ли не хуже, чем при своем поступлении в госпиталь. Кнехт лежал в госпитале уже вторую неделю, а ему становилось не лучше, а только хуже. Доктор Гюнтер Вольф не знал, что и делать. Сначала он отказывался звать на помощь своих более опытных коллег, ведь таким образом он показывал свою слабость как врача. Но когда миновали две недели, а Кнехт все не шел на поправку, Вольф скрепя сердце все же обратился за помощью к другим врачам. У постели ефрейтора собрался целый консилиум. Внимательно осмотрев больного, изучив историю его лечения, эти доктора пришли к заключению, что связист страдает от какого-то врожденного

недуга, который раньше не давал о себе знать, а вот после ранения вдруг проявился. Говорили о лейкозе, раке печени, о скрытой форме туберкулеза... Заключение врачей было единодушным: Эрих Кнехт представляет собой особо интересный случай с точки зрения медицины; его необходимо оставить в госпитале на длительное время, внимательно наблюдать за его состоянием и пробовать разные способы лечения. О выписке больше не было разговоров.

Это был именно тот результат, которого и добивался Шубин. Да, это он сам вызывал обострение своей болезни, воздействуя на организм с помощью методики, которой его научил специалист из Индии перед заброской в немецкий тыл. Он научил Шубина повышать температуру тела и ускорять жизненные процессы, что разведчик и делал. Вот почему его рана никак не хотела заживать, вот почему доктору Вольфу и другим немецким специалистам никак не удавалось сбить у раненого повышенную температуру. Используя эти способы, Шубин мог не беспокоиться за свое будущее в госпитале: он мог бы лежать длительное время.

Другое дело, какую цену ему приходилось за это платить. Наносить вред своему организму было больно, и не просто больно, а мучительно больно. Кроме того, Шубин помнил слова своего индийского наставника. Тот говорил, что долго пользоваться этой методикой опасно: можно настолько расшатать все системы защиты организма, что тот откажется работать, и тогда можно заболеть по-настоящему тяжело. Наставник учил Шубина делать перерывы, позволять организму восстанавливать свои силы. Но какой продолжительности должны быть эти перерывы? Это Шубин забыл, а спросить теперь было не у кого.

И еще одна неприятность ждала Глеба после того, как у его постели собрался целый консилиум. Когда приглашенные специалисты узнали, что этот необычный больной пользуется в госпитале правом на прогулки, они пришли в ужас. Какие могут быть прогулки при таком наборе возможных недугов? Светила немецкой медицины строго предписали доктору Вольфу отобрать у ефрейтора Кнехта разрешение на прогулки. И это разрешение было отобрано. Начиная с 14 января Кнехт уже не мог покидать стены госпиталя.

Ефрейтору Кнехту этот факт, может быть, был не так важен. А вот для капитана Шубина это стало большой проблемой. Зачем оставаться в госпитале, если нельзя добраться до источников информации, до своей рации, нельзя передать информацию полковнику Уколову? Пребывание в госпитале в таком случае теряло для Шубина всякий смысл. Врачи его словно в тюрьму посадили. Но он не хотел сидеть в тюрьме.

И Шубин решил, что в таком случае он, пожалуй, перестанет повышать у себя температуру и даст немецким врачам себя вылечить. Он перестал использовать методику, которой его научил индийский специалист. Результаты не заставили себя ждать: раненый пошел на поправку. Врачи торжествовали победу. При этом они уже не настаивали на немедленной выписке Кнехта из госпиталя, на его возвращении на фронт. Теперь они хотели лучше изучить его загадочный организм.

Все получалось так, как и хотел Шубин. За одним маленьким исключением: врачи категорически не разрешали ему покидать стены госпиталя. Когда «ефрейтор Кнехт» попытался заговорить о получении такого разрешения, поднялась настоящая буря.

– О каких прогулках вы говорите, ефрейтор? – возмущался самый авторитетный среди немецких врачей пожилой доктор, похожий на профессора. – Вы несколько дней находились на грани смерти! Мы до сих пор не знаем, почему ваш организм так реагирует на лекарства! Вы должны находиться под непрерывным наблюдением специалистов! Так что мой ответ – нет и еще раз нет! Никаких прогулок до самой выписки!

Шубин не стал спорить с профессором. «Ладно, это мы еще посмотрим, – подумал он. – Не хотите меня отпускать официально по документам – я и без всяких документов найду способ отлучиться. Так даже лучше – не надо будет спешить в пивную, поить этого Вольфа».

И Глеб стал действовать иначе. Он заметил, что самый большой промежуток между визитами в палату медсестер с таблетками приходился на время между полуночью и тремя часами

ночи. Три часа времени, в общем, было немного. Но их хватало, чтобы пробежать до сарая, где была спрятана рация, и передать заранее подготовленное сообщение. Поэтому Шубин, вооружившись обыкновенной вилкой, захваченной из столовой, заранее открыл оконную раму в конце коридора на втором этаже. И ночью, когда жизнь в госпитале на время замирала, ему нужно было лишь быстро одеться, открыть окно и спуститься по водосточной трубе со второго этажа на землю. Особой охраны в госпитале не было: никому здесь не приходило в голову, что раненые немцы захотят тайком отлучаться в город, где жило ненавидящее их население. Поэтому Шубин незамеченным спускался на землю и отправлялся к месту, где была спрятана рация. Там он осуществлял передачу и снова возвращался в госпиталь, на свою койку.

Однако у этого способа действий была своя уязвимая сторона. У Шубина никак не получалось встретиться со своими информаторами. Дорожный мастер Чижов никогда не работал по ночам. А Аня Мухина, может, и работала в ночную смену, но Шубин во время последней встречи не успел ее предупредить о новом режиме встреч. Так что для обоих агентов советской разведки их резидент просто пропал. Оба могли только гадать, что с ним случилось. Так что пока Шубин снова вернулся к сбору данных в стенах госпиталя – у новых, только что поступивших с фронта раненых. Но это были не те данные, которых ждало от него командование.

Надо было что-то решительно менять. «Легенда с ефрейтором Кнехтом, конечно, хорошая, – размышлял Шубин. – Но, кажется, она исчерпала свои возможности. Некогда мне у них на койке валяться – там, на фронте, ждут моих донесений. Нужно придумать что-то другое. Но что?»

Он усиленно думал, перебирал один за другим разные варианты, как собирать более ценную информацию. И в конце концов придумал дерзкий, почти безумный план...

Глава 4

Раз в несколько дней, обычно поздно вечером, к госпиталю подъезжал длинный черный лимузин, из него выходил лощеный офицер, тоже весь в черном, с нацистской повязкой на рукаве, и направлялся в госпиталь. Это был военный комендант Ростова группенфюрер Алоиз Шнейдер. Как понял из разговоров врачей ефрейтор Кнехт, эсэсовец страдал пороком сердца и должен был регулярно проходить обследование. Шнейдер, с его заболеванием, мог бы вообще не служить в армии. Но он нес службу по идейным соображениям – он был всей душой предан фюреру и хотел послужить великому рейху.

Шубин, с его привычкой все замечать и все запоминать, запомнил и группенфюрера с его пороком сердца. У него была особая причина обратить внимание на этого эсэсовца: группенфюрер Шнейдер был внешне похож на самого Шубина. И рост у них был одинаковый, и волосы одинаково черные как смоль. Вот только у Шубина с сердцем все было в порядке, во всех смыслах этого слова.

Позже, как раз в те дни, когда ему надо было принять решение о том, как быть дальше, Шубин ненароком услышал разговор врачей о группенфюрере. Один из них сказал, что на днях комендант Ростова уедет в отпуск в Германию. «Это будет большое счастье для всего персонала нашего отделения кардиологии, – сказал врач. – Потому что этот Шнейдер – сущее бедствие. Никогда еще не встречал такого злобного, неблагодарного типа. Он все время отчитывает медсестер, хамит им, делает бесконечные замечания. Хотя они делают все так, как нужно. Хорошо, что он уедет, и целый месяц мы не будем его видеть!»

Шубин запомнил эти слова. И постепенно в его голове сложился план. В тот же день он прогуливался около операционной. Конечно, больным здесь нечего было делать, и кому-то другому давно бы сделали замечание. Но ефрейтора Кнехта в госпитале все знали, он был очень любезным, приятным человеком, и ему никто не делал замечаний. Улучив момент, когда в операционной никого не было, Кнехт нырнул туда и взял из шкафа длинный хирургический скальпель. Он бы, конечно, предпочел кинжал, но за кинжалом надо было идти в сарай, а у него не было времени.

Завернув скальпель в несколько слоев бумаги (иначе его нельзя было положить в карман), Шубин принялся собираться. Впрочем, ему почти нечего было собирать – все важное для него хранилось в курятнике. А свою шинель, как и все документы, ефрейтор Кнехт был готов подарить на память госпиталю, в котором он провел две недели.

По его расчетам, как раз сегодня группенфюрер Шнейдер должен был нанести в госпиталь очередной визит. С этим визитом были связаны все планы Шубина. Поэтому после восьми вечера он устроился в вестибюле и стал ждать.

Ждать пришлось долго, больше часа. Но умение ждать входит в число важнейших навыков разведчика, и Шубин в совершенстве владел этим умением. В половине десятого дверь госпиталя распахнулась, и в вестибюль в сопровождении ординарца стремительно вошел группенфюрер Шнейдер. Как обычно, он не глядел по сторонам и никого не замечал. Не заметил он и какого-то больного, слонявшегося по вестибюлю.

Страдавший от порока сердца группенфюрер направился в отделение кардиологии, его ординарец вернулся к машине, а ефрейтор Кнехт нанес кратковременный визит в свою палату (как раз в это время приходила медсестра, чтобы сделать ему очередной укол), а затем вернулся на свой пост в вестибюле. И снова принялся ждать.

Впрочем, на этот раз ждать ему пришлось недолго. Прошло полчаса, и в вестибюль спустился Шнейдер. Все так же не глядя по сторонам, он проследовал к выходу. А за ним по пятам следовал ефрейтор Кнехт. Группенфюрер вышел на улицу, подошел к машине. Ординарец услужливо распахнул перед ним заднюю дверцу. Шнейдер уже занес ногу через порог,

он уже садился в лимузин – как вдруг из-за его спины вынырнул какой-то солдат и коротко взмахнул рукой. Хирургический скальпель вошел под лопатку военного коменданта Ростова и достиг сердца. Шнейдер умер мгновенно, даже не успев понять, что происходит. Его ординарец жил на две секунды дольше – столько времени понадобилось Шубину, чтобы развернуться к новому противнику. Затем он двумя движениями закинул оба тела на заднее сиденье лимузина, сам сел рядом с телами и коротко бросил водителю: «Поехали!»

Водитель не успел понять, что происходит. Он только слышал, как сзади идет какая-то возня. А потом голос, который показался ему знакомым, приказал ехать. И водитель направил лимузин по давно знакомому адресу – на квартиру группенфюрера. Правда, его удивляло, что в зеркале заднего вида он не видит никого из пассажиров – ни группенфюрера, ни его ординарца. Но он не придал этому значения.

А когда они проехали несколько кварталов, сзади к нему внезапно перегнулся какой-то незнакомый ему солдат с лезвием в руке. Приставив лезвие к горлу водителя, незнакомец потребовал изменить маршрут и ехать на окраину города, на берег Дона. Естественно, водитель не посмел ослушаться приказа, отданного в таких необычных условиях. И через полчаса они выехали из города, миновали сторожевой пост (на нем никто и не подумал остановить машину самого военного коменданта) и направились к реке. Там Шубин приказал водителю выйти из машины, после чего убил его так же, как ординарца – одним ударом в сердце. Затем снял с группенфюрера Шнейдера черный мундир, щегольские сапоги, португую, и переоделся. Теперь он сам стал как эсэсовец, как военный комендант Ростова – ведь они со Шнейдером были похожи. Все три тела Шубин спрятал в камышах, причем постарался затащить их поглубже, чтобы никто их не нашел. В тот день с утра шел снег, и, кажется, собирался идти и ночью, и Шубин рассудил, что к утру тела полностью заметет.

Свою форму ефрейтора он выбрасывать не стал – решил, что она может ему еще пригодиться. Форму, как и сапоги, он положил в багажник. После чего сел за руль и вывел машину на шоссе. Ему предстояло проехать не менее двухсот километров до станции Манычской, где располагался штаб генерала Гота. Шубин решил, что с этого момента он не будет выуживать новую информацию скудными порциями из рассказов раненых, из сообщений своих информаторов. Теперь он хотел получать сведения прямо из первоисточника – от немецких генералов, командующих дивизиями и бригадами.

Правда, прежде чем нанести первый визит в немецкий штаб, надо было позаботиться о способе передачи полученных сведений. И Шубин вновь въехал в Ростов (правда, через другой КПП) и направился к разрушенному дому, где хранилась его рация.

Конечно, тут был определенный риск, но совсем небольшой. Никто из немцев и не подумал бы проверить машину военного коменданта города, заглянуть к нему в багажник. Рискованным был только момент проникновения в сарай, где хранилась рация. Если бы кто-то из немцев увидел, как блестящий офицер наносит визит в курятник, он мог бы удивиться, у него бы возникли вопросы. Но Шубин надеялся, что его никто не заметит.

Машину он оставил за квартал от разрушенного дома. Быстро прошел этот квартал, огляделся. На улице не было ни души. Впрочем, это было трудно установить – уличное освещение отсутствовало. И Шубин быстро вошел во двор, не глядя, нащупал замок, вставил ключ в отверстие... Спустя несколько минут он уже выходил со двора. Только теперь он нес мешок, в котором лежали рация, автомат, три гранаты, документы и пачка денег. Все это Шубин положил в багажник лимузина. Вот теперь можно было ехать в штаб генерала Гота.

...В немецкий штаб Шубин приехал уже к утру. Как он и предполагал, часовые и не подумали остановить огромный черный лимузин, когда он подъехал к зданию, в котором размещался штаб. Возможно, они удивились, увидев, что группенфюрер в своем черном плаще выбирается не с заднего сиденья, где ему полагалось ехать, а из-за руля. Возможно (и очень вероятно), что они позже поделятся этим фактом с однополчанами. Однако пока что ни у кого

никаких сомнений не возникло. «Но на будущее надо бы мне решить этот вопрос, – подумал разведчик. – Если я долго собираюсь оставаться в шкуре группенфюрера Шнейдера, надо мне обзавестись водителем».

Он взбежал на крыльцо и вошел в штаб. Ординарец, сидевший в передней комнате возле телефона, вскочил, совершенно ошалевший, и приветствовал неожиданного гостя.

– Где генерал? – надменно произнес «группенфюрер».

– Его превосходительство отдыхают... – запинаясь, ответил ординарец. – Генерал приходит в штаб обычно к девяти часам...

– А его начальник штаба?

– Полковник Бреннер обычно приходит раньше, к восьми... И он живет неподалеку. Если прикажете, я пошлю за полковником...

– Пошлите, и побыстрее. У меня мало времени. А пока что распорядитесь, чтобы мне подали стакан крепкого чая. Крепкого, настоящего чая, как делают русские варвары. Терпеть не могу эту жидкую бурду, которую в наших штабах именуют чаем. Где тут у вас можно отдохнуть?

Ординарец почтительно проводил «группенфюрера» в комнату отдыха, предназначенную для самого генерала Гота, разбудил денщика и отдал ему распоряжение насчет чая, а затем послал одного из часовых на квартиру полковника Людвиг Бреннера.

– Скажи, что приехал сам комендант Ростова группенфюрер Шнейдер! – проинструктировал ординарец гонца. – Он очень злой! Скажи, чтобы полковник поспешил!

Все в штабе пришли в движение, хотя не было еще и шести утра. Ординарец сам разбудил адъютанта Гота, капитана Шмица, и тот явился к гостю с вопросом, не будет ли еще каких приказаний. На это гость ответил, что приказания будут. Надо срочно вывесить на доске карту окрестностей. А еще ему нужны копии приказов генерала Гота за последнюю неделю.

– Я должен сам, лично изучить все распоряжения генерала за последнее время, – заявил «группенфюрер». – А почему и зачем – это вам знать не надо. Об этом я скажу лично вашему начальнику штаба.

Наконец, когда гость уже допивал поданный чай, стукнула дверь – появился только что разбуженный полковник Бреннер. Старый кадровый военный, он не испытывал такого почтения к «высочкам из СС», как младшие офицеры и солдаты. И тем более он не чувствовал никакого страха. Сухо приветствовав неожиданного гостя, он осведомился о причине его внезапного появления.

Шубин сразу понял, что за человек полковник Бреннер, и как надо себя с ним вести. Это была одна из его особенностей, которая сделала его хорошим разведчиком: он быстро умел понимать характер людей, с которыми сталкивался. И с Бреннером он держался совсем по-другому, чем с ординарцем и с адъютантом Шмицем. Первым делом он сообщил полковнику, что сегодня поздно ночью он также был разбужен внезапной новостью. Дело в том, что из Берлина, из рейхсканцелярии, была получена директива. Сам фюрер приказывал ему, группенфюреру Шнейдеру, немедленно произвести инспекцию в частях, держащих оборону Ростова. Дескать, немецкая разведка, знаменитый абвер адмирала Канариса, получил сведения, что русские перехватили инициативу на Кавказе, что война здесь идет под их диктовку, и они не сегодня завтра возьмут Ростов и Батайск.

– А с падением этих двух городов, полковник, как вы прекрасно понимаете, рушится вся наша система обороны на Кавказе, – продолжал Шубин. – Мне передали, что фюрер встревожен сложившимся положением. А вскоре я смог и лично в этом убедиться. Мне позвонили из Берлина. Со мной говорил сам вожь нашего государства!

В этом месте Шубин сделал паузу, чтобы его собеседник мог почувствовать значимость сказанного, а затем продолжил:

– Фюрер поручил мне досконально изучить положение дел. И побудить командование германских войск к более активным действиям. Не только обороняться, но и наступать! Искать у русских слабые места. Вот этим я и намерен заняться в ближайшие дни. Начну с вашей армии, а затем проеду по всему фронту. Генерал Гот пока спит, и я не намерен его будить. Ведь вы и сами можете рассказать мне о положении на фронте, о планах ваших частей, не так ли?

Вот такой стиль общения – уважительный, как с равным – полковник Бреннер понимал. И он утвердительно ответил на вопрос гостя и тут же принялся рассказывать ему о положении на фронте в районе станицы Манычской. Его рассказ длился примерно час. И за этот час капитан Шубин получил больше информации о немецкой армии, о ее силах и планах, чем за две недели до этого, когда он находился в госпитале. Теперь ему было ясно, что судьба Ростова и всего Кавказа будет решаться здесь, в районе этой станицы. Надо только было успеть все это запомнить! И Шубин старался запомнить данные о танках и орудиях, числа, в которые немцы планировали наступать, номера полков и дивизий.

Теперь требовалось срочно передать добытые сведения в штаб Южного фронта. Поэтому у Шубина больше не было причин задерживаться в штабе генерала Гота.

– Большое спасибо за содержательный рассказ, полковник, – произнес он, вставая. – Единственное, что нам осталось, – это разработать стратегию более активных действий. Передайте, пожалуйста, генералу, что я спустя пару дней еще раз вас навещу. Надеюсь, что к этому времени вы придумаете какую-нибудь наступательную операцию, которая ошеломит русских, заставит их отступить. Еще раз приношу свои извинения за то, что нарушил ваш сон – и до свидания.

– Не нужно никаких извинений, господин группенфюрер, – ответил Бреннер. – Такова солдатская служба. Я вижу, вы близко к сердцу приняли распоряжение фюрера. Буду рад, если мои объяснения помогут вам составить объективную картину положения на фронте.

– Да, безусловно, я полностью представляю себе обстановку, – сказал разведчик. – Теперь нужно получить такую же объективную картину от других начальников штабов, в тех частях, которые стоят к северу и югу от вас. Всего хорошего, полковник!

С этими словами группенфюрер Шнейдер покинул штаб. Садясь в машину на место водителя, он заметил, что часовые проводили его удивленными взглядами. Да, безусловно, эти рядовые отметили, что с всесильным комендантом Ростова что-то не в порядке. Они заметили то, чего не заметил умный полковник Бреннер. «Что ж, рядовые часто замечают больше, чем генералы и полковники», – подумал Шубин, отъезжая от штаба.

После отъезда гостя полковник Бреннер немедленно позвонил своему хорошему знакомому полковнику Келлерману, который тоже был начальником штаба – только во 2-й танковой бригаде, стоявшей к северу от армии Гота. Бреннер спешил предупредить друга о возможном визите высокого гостя, которого направил инспектировать войска сам фюрер Адольф Гитлер. Бреннер не сомневался, что его друг тут же передаст эту новость дальше, и вскоре во всех немецких штабах будут готовы к визиту группенфюрера Шнейдера.

Между тем комендант Ростова, покинув штаб Гота, вовсе не спешил направиться на север. Отъехав пару километров, он остановился, достал из багажника потрепанный солдатский вещмешок, извлек из него рацию, настроил ее и начал передавать шифрованное сообщение. И уже спустя пятнадцать минут перед командующим Южным фронтом генералом Еременко лежало донесение, содержащее исчерпывающую информацию о немецких частях, стоявших в станице Манычской. Генерал вместе со своим начальником штаба полковником Семеновым внимательно изучил это донесение, после чего отдал ряд приказов о передислокации советских войск, о нанесении новых ударов.

Но и после передачи донесения Шубин не стал спешить инспектировать новую немецкую часть. Он стал переодеваться. Снял свой черный эсэсовский мундир и вновь облачился в поношенную форму немецкого связиста. Впрочем, нашивки связиста он с воротника спорол.

Теперь на нем была просто форма ефрейтора вермахта. А затем он сел за руль и, насвистывая мелодию «Выходила на берег Катюша», поехал назад, в Ростов. У него было еще одно дело, которое было необходимо срочно закончить.

Глава 5

– Значит, вы говорите, Хорст, эта русская рация снова выходила в эфир? – спросил майор Зиммель у своего подчиненного.

Разговор происходил в тот же день, 15 января, когда группенфюрер СС Алоиз Шнейдер приезжал с инспекцией в штаб генерала Гота, только позже, около обеда.

– Да, господин майор, это та самая рация, тот же сигнал, – ответил капитан Хорст.

– И откуда велась передача?

– Теперь она шла из окрестностей станицы Манычской, – сказал капитан.

– А что делал в это время наш знакомый капитан Петерс? Вы это выяснили?

– Да, господин майор, я сразу заинтересовался. Петерс в это время находился в штабе.

– Очень интересно, очень интересно... – пробормотал Зиммель и стал рассказывать по своему кабинету. – Это означает только одно – что Петерс нашел себе помощника. И он продолжает снабжать русских информацией! Необходимо произвести его арест. Вот что, Хорст: напишите бумагу на имя коменданта Ростова группенфюрера Шнейдера. Пусть он примет соответствующее решение. Я знаю, что Шнейдер – человек очень энергичный, в этом деле он медлить не станет. Пусть Петерса передадут в гестапо и хорошенько с ним поработают. Мы должны покончить с этой утечкой информации раз и навсегда!

Когда майор Зиммель произносил эту тираду, под окном его кабинета как раз проехал блестящий лимузин, принадлежавший коменданту Ростова. За рулем машины сидел человек, одетый в форму немецкого ефрейтора. И больше никого в машине в эту минуту не было...

Впрочем, лимузин и не направлялся к комендатуре. Он поехал в сторону железнодорожного депо. Не доехав до депо несколько кварталов, машина остановилась возле казарм, в которых располагались немецкие части. Выключив мотор, водитель, крепкий парень в чине ефрейтора, подошел к часовому, стоявшему у ворот казармы, и сказал:

– Слушай, камрад, присмотри за машиной господина коменданта, ладно? Он мне поручил тут кое с кем поговорить. Я скоро вернусь. Обещаю тебе за это пачку сигарет, идет?

И, получив согласие часового, ефрейтор направился в сторону депо. Для входа в депо ему, как военнослужащему немецкой армии, никакого разрешения не требовалось. Ефрейтор прошел через все депо и в конце концов заметил человека, который был ему нужен. А заметив, постарался попасться этому человеку на глаза.

Убедившись, что мастер по ремонту паровозов Петр Чижов его заметил, Шубин покинул депо и спрятался за углом ближнего дома. Минут через десять из депо вышел Чижов. Разведчик махнул ему рукой, и они друг за другом (но не вместе) проследовали до ближайших посадок, где их никто не мог видеть. Здесь Шубин остановился, и они могли наконец поговорить.

– Наконец ты появился! – сказал мастер. – А я уж думал, что случилось...

– Кое-что и правда случилось, – произнес в ответ Шубин. – Я больше не могу изображать немецкого ефрейтора. Я надел эту форму, наверно, в последний раз только для того, чтобы встретиться с тобой.

– И кого ты теперь будешь изображать? – спросил Чижов.

– Коменданта Ростова группенфюрера Шнейдера, – ответил Шубин.

Глаза мастера от удивления округлились.

– Ты что, серьезно?

– Уж куда серьезней. Я работаю в должности группенфюрера с прошлого вечера. Собачья должность, скажу тебе! За целые сутки во рту ни крошки хлеба не было, только стакан чая выпил. Но это я так, шучу. А если серьезно, то я к тебе вот зачем пришел.

– За информацией? – догадался мастер. – Ее я приготовил, у меня тут аж целых три донесения...

И он извлек из-за пазухи и протянул Шубину три свернутые в трубочку бумажки. Разведчик взял донесения, сунул в карман, после чего продолжил:

– Спасибо, Петр Григорьевич, но теперь мне нужно от тебя кое-что другое. Информацию я теперь получаю прямо в немецких штабах. А мне нужен ты сам в качестве водителя. Понимаешь, такому важному начальнику, как Шнейдер, полагается водитель. Не должен он сам за рулем сидеть! Вот я и приглашаю тебя на должность водителя. Из депо я тебя мигом отзову – изготовлю нужное отношение, что ты, дескать, должен явиться в комендатуру. И уже вечером ты начнешь меня возить. Идет?

– Я готов помогать нашей армии на любом месте, – ответил Чижов. – Но тут есть одна заковыка. Дело в том, что я водить не умею.

Такого оборота событий Шубин совсем не ожидал и потому растерялся.

– Как же так? – сказал он. – Ты дорожник, имеешь дело с транспортом, а водить не умеешь?

– Не умею, – повторил мастер. – Ведь я мастер по ремонту котлов и паровозной гидравлики. К вождению машины моя специальность никакого отношения не имеет. Так что извини...

– Чего уж там... пробормотал Шубин, после чего задумался. Однако думал он не больше минуты. После чего, решительно тряхнув головой, сказал:

– И все равно я думаю, что ты мне сможешь помочь. Ведь все равно знакомых, кроме тебя, у меня больше никого нет. Скажи: ведь у вас в депо не ты один сочувствуешь Красной армии? Нет ли у тебя на примете надежного парня, на которого можно положиться и чтобы при этом он умел баранку крутить?

Теперь настал черед задуматься мастеру Чижову. Думал он долго, потом его лицо просветлело, и он воскликнул:

– А ведь и правда, есть такой человек! Только он не в депо, он на станции работает. Работает как раз на машине – грузы по городу развозит. Зовут его Витя Степанчук. Мы с ним друзья, и он от меня ничего не скрывает. Немцам он готов глотку перегрызть, только с его состоянием здоровья его в армию не берут. Он, как и я, эвакуироваться не успел, ну, ты, наверное, знаешь, как тут дела обстояли в прошлом году, когда наши из-под Ворошиловграда начали отступать...

«Знаю, – мысленно ответил ему Шубин. – Наши тогда не отступали, а можно сказать, драпали почти до самого Сталинграда». Но вслух этого он говорить не стал; просто молча кивнул и спросил Чижова о другом:

– А что у твоего друга не так со здоровьем?

– Он еще в детстве под поезд попал, – стал объяснять Чижов. – Ему голень раздробило, в результате чего он хромает, у него левая нога на два сантиметра короче правой. В общем, от строевой службы его освободили.

– Но водить машину это ему не мешает?

– Нет, не мешает, – кивнул Чижов. – Если нужно, я с Витей поговорю. Думаю, он согласится. Только ему тоже документ какой-то будет нужен...

– За документом дело не станет, – пообещал Шубин. – Только тут важен фактор времени. Мне водитель требуется не когда-то, а сейчас, немедленно. Воспринимай мои слова как боевой приказ. Необходимо, чтобы ты уже в обед поговорил с твоим другом Степанчуком, и уже к вечеру мы с ним могли встретиться. Ясно?

– Да, я понял, хотя... – пробормотал мастер по ремонту котлов. – Это так внезапно...

– На войне многое приходится делать внезапно, привыкай, Петр, – твердо сказал Шубин. – Итак, пусть к восьми часам вечера твой друг подходит вот сюда, к этим посадкам. Да, а твой друг по-немецки-то разговаривает?

– Да, за полгода оккупации научился на их языке говорить, – ответил Чижов. – Правда, говорит он с акцентом, но говорит. И все понимает, что ему говорят.

– Вот это здорово! – обрадовался Шубин. – Это важный момент. Насчет его акцента мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы твой друг не испугался, потому что дело это крайне опасное. Я бы лучше тебя взял в водители, ты человек проверенный, надежный. Но что делать, если из тебя водитель, как из козы артиллерист?

– Хорошо, я изложу Виктору все аргументы, – пообещал Петр Чижов. – Если он почему-то не согласится, я еще кого-нибудь подыщу. В конце концов, можно же быстро научиться водить автомобиль! Я постараюсь научиться.

– Это тоже мысль правильная, – одобрил Шубин. – Значит, вечером еще увидимся.

Расставшись с мастером, «ефрейтор Кнехт» вернулся к своему лимузину. Найдя его в прежнем состоянии, он одобрительно кивнул, после чего извлек из кармана пачку сигарет и отдал часовому.

– Отлично, камрад, просто отлично, – сказал он. – Вот, ты приглядел за машиной, а я за это время успел выполнить поручение господина группенфюрера. Но возвращаться к господину Шнейдеру мне еще рано. Пожалуй, самое время перекусить.

– Подсказать тебе, где находится столовая? – спросил часовой.

– Зачем же мне подсказывать? – возразил ефрейтор. – Я давно живу в Ростове, изучил весь город. Сам найду, где съесть свою порцию сосисок с пивом. Так что до свидания, мой друг.

Шубин сел за руль и поехал по адресу, который он хорошо знал. В самом деле, зачем ему было искать столовую, если он уже две недели ходил туда на встречи со своей связной Аней Мухиной?

Поскольку столовая располагалась в центре города, водитель лимузина оставил машину под ее окнами совершенно безбоязненно. В столовой он, как обычно, занял столик, который обслуживала Аня, и вскоре увиделся с девушкой. Аня также передала ему донесение, правда, только одно. А Шубин предупредил девушку, что теперь будет редко здесь появляться. Правда, о своей новой роли говорить не стал – поостерегся.

Выйдя из столовой, Шубин сел за руль лимузина и обдумал план дальнейших действий. «Допустим, этот Витя Степанчук согласится сыграть роль моего водителя, – размышлял он. – Таким образом я решу одну проблему, но создам несколько других. У меня будет водитель, который будет меня возить, открывать мне дверцу – но который при этом плохо говорит по-немецки. А еще я отдам ему эту форму ефрейтора (если она ему подойдет) и после этого уже не смогу ходить сюда, в солдатскую столовую. В офицерскую тоже не смогу – ведь там каждая собака знает коменданта Шнейдера. Покупать мне продукты в магазине Степанчук тоже не сможет – его выдаст плохое произношение. Этак я, пожалуй, умру с голоду... Хотя у нас останется рабочая одежда этого Виктора, и в ней кто-то из нас сможет ходить на рынок. Или можно разжиться еще одной немецкой формой – для этого потребуете избавиться от солдата, который ее носит. Ладно, что-нибудь придумаем. А сейчас надо поспать. Где? Как где? Разумеется, в моем курятнике!»

И Шубин вновь отправился к немецким казармам – на этот раз к другим, где расположились зенитчики. Там у ворот он снова оставил машину, попросил часового приглядеть за ней, а сам отправился к разрушенному дому, где у него хранилась рация. Там он расстелил на полу валявшееся по углам тряпье, лег на него и крепко заснул.

После размеренной жизни в немецком госпитале новая жизнь в роли коменданта Ростова получалась у Шубина совершенно неустроенная, состоящая из одних проблем. Ложась спать в курятнике, он понимал, что следующую ночь вряд ли сможет провести здесь. Где он будет спать? Где и что есть? Опасность подстерегала его за каждым углом. Но что было делать? Он сам выбрал эту жизнь – неустроенную, полную опасностей жизнь разведчика. И, в общем, она

ему нравилась. «Зато сколько информации я смогу добыть! – думал Шубин, засыпая. – Целые вагоны ценной информации!»

Как всегда, он проснулся в точно установленное для себя время – за полчаса до назначенного свидания с водителем. Встряхнулся и направился в посадки, где его должен был ожидать Петр Чижов со своим другом-водителем.

Как оказалось, оба друга пришли еще загодя и ждали Шубина. Виктор Степанчук оказался высоким худым мужиком, и у Шубина сразу возникли подозрения, что форма ефрейтора Кнехта будет ему мала.

Но прежде чем говорить о форме, следовало решить главный вопрос.

– Ты Степанчук, как я понял? – спросил, подходя, Шубин. – Скажи мне сразу, Виктор: согласен ты стать моим водителем и выполнять боевые задания на этом посту?

– Согласен, – твердо сказал водитель. – И не нужно мне говорить, что это дело опасное. Сейчас даже дышать опасно. Зато могу принести пользу стране. Только я по-немецки плохо говорю...

– Это небольшая беда, – ответил Шубин. – Значит, будем работать вместе. Тогда вот тебе моя рука.

Он протянул водителю ладонь, и они обменялись крепким мужским рукопожатием.

– Будешь звать меня «товарищ капитан», – начал Шубин инструктировать своего нового напарника. – Но это только наедине. При посторонних, конечно, ты должен ко мне обращаться только официально: «господин группенфюрер». И только по-немецки! Лишних вопросов, из простого любопытства, задавать не надо. Теперь практические вопросы. Для начала примерь вот эту форму. Ну-ка, надень китель.

Глеб снял китель и протянул его водителю. Тот попробовал надеть форму ефрейтора, и сразу выяснилось, что она ему мала: руки выглядывали из рукавов чуть ли не до локтей.

– Нет, не годится, – покачал головой Шубин. – Ладно, пока походишь, в чем есть. Надеюсь, тебе домой возвращаться не надо, прощаться с семьей, что-то брать с собой?

– Нет, возвращаться не нужно, – отвечал Степанчук. – С женой я уже попрощался. Говорить ей ничего не стал. Просто сказал, что мне потребуется на несколько дней уехать. А детей у нас нет. Так что я готов хоть сейчас отправиться на задание.

– Сейчас и отправимся, – заверил Виктора Шубин. После чего повернулся к Петру Чижову, поблагодарил того за помощь и попрощался.

Вдвоем со Степанчуком они направились к немецким казармам, где Шубин оставил лимузин. Водителя разведчик оставил за углом, а сам расплатился с часовым пачкой сигарет, сел в машину и подъехал к тому месту, где его ждал водитель.

– Теперь давай меняться местами, – сказал он Виктору. – Посмотрим, как ты с этим драндулетом управляешься. Давай, поезжай к вокзалу.

Степанчук сел за руль и тронул машину с места. Пока они проехали пару-тройку кварталов, Шубин составил себе представление о своем новом водителе. Степанчук вел машину не слишком быстро – на грузовике он не привык к высоким скоростям – но аккуратно. Ошибок не допускал; не гнал, как на соревнованиях, но и не плелся, как черепаха. А большего Шубину и не требовалось.

Сидя на заднем сиденье, Шубин переоделся в форму коменданта Шнейдера. Затем сказал Степанчуку:

– Сиди здесь, только старайся не высовываться. Пусть со стороны видят, что в машине кто-то есть – и этого довольно; никто не полезет в машину коменданта Ростова. Если вдруг подойдет патруль, увидит, что ты не солдат – объяснишь, что, мол, господин группенфюрер заставил тебя сторожить машину, а сам ушел на вокзал. И это будет чистая правда – я действительно пойду на вокзал.

С этими словами Шубин вышел из машины и отправился на вокзал. Там он обошел все залы, затем вышел на перрон. Народу на нем было полно. Впрочем, это был весьма специфический народ – оккупанты. Вокзал занимали исключительно немцы, изредка встречались также румыны. В залах и на перроне толпились солдаты, возвращавшиеся в части после лечения в ростовских госпиталях, или те, кто следовал на фронт в составе своих частей.

«Группенфюрер» держался в этой толпе неожиданно скромно. Он словно стал меньше ростом, и его эсэсовская форма стала не такой блестящей. Хозяин Ростова старался стать незаметным. Стоя где-нибудь возле стены или за колонной, он приглядывался к солдатам. Его интересовали не все солдаты, а прежде всего высокие и худые – то есть сложенные так же, как Виктор Степанчук. А еще его интересовали одиночки, чье исчезновение никто не заметит.

После долгих наблюдений Шубин наконец высмотрел подходящего мужчину. Тот был как раз того сложения, которое требовалось Шубину – высокий и худой. Правда, солдат был не один: в ожидании поезда он стоял на перроне и что-то рассказывал своему спутнику – жизнерадостному толстяку.

Шубин тихо подошел, встал за спиной намеченной жертвы. Он уже был готов окликнуть худого солдата и позвать его с собой, чтобы он помог кое в чем «группенфюреру», когда услышал, что худой говорил своему спутнику:

– А еще жена прислала фото наших малюток, всех троих! Я был так рад их увидеть! Я их не видел уже полтора года. И они сильно выросли! Ганс, самый старший, скоро пойдет в школу, представляешь? Жена пишет, что они меня не забыли, помнят, как я им рассказывал сказки, играл с ними...

Оклик, уже приготовленный Шубиным, так и не прозвучал. Он понял, что не может позвать этого счастливого отца с собой, а затем зарезать где-нибудь в укромном месте. Просто не может, и все тут! Хотя он оккупант и враг, и останется врагом. «Комендант Ростова» повернулся и отошел, не замеченный.

Разведчик возобновил свои поиски. Он прошел в один конец перрона, в другой... И здесь, в самом конце станции, обнаружил другой эшелон. Это был товарный состав, который вез людей, мобилизованных немцами на оккупированном Кавказе. «Трудовую армию», которая была нужна Германии на разных работах, как раз вывели из вагонов для нового распределения по вагонам и пересчета. Вдоль строя «мобилизованных» прохаживался эсэсовец с дубинкой в руке. И этой дубинкой солдат-эсэсовец время от времени бил по головам и телам построенных людей. Он был высоким и худым – то есть как раз такого сложения, как и у Виктора Степанчука.

Разведчик огляделся. Других конвоиров, кроме человека с дубинкой, поблизости не было. Как видно, немцы не боялись побега мобилизованных. А ведь среди выстроенных у вагонов людей большинство составляла молодежь. Этим парням и девушкам ничего не стоило преодолеть пару заборов и разбежаться. Для этого был нужен лишь толчок.

Решение у Шубина созрело мгновенно. Он выпрямился, придал своему лицу прежнее надменное выражение и окликнул солдата с дубинкой:

– Эй, рядовой! Подойди ко мне!

Эсэсовец оглянулся, увидел группенфюрера в его блестящем кожаном плаще – и бегом направился к нему. Когда он подошел ближе, Шубин холодным тоном сказал:

– Я тут заметил беспорядок. Вот здесь, у последнего вагона. Иди за мной, я покажу.

И направился в темноту, туда, где кончался состав. Эсэсовец послушно зашагал за ним. Вот они сделали еще пару шагов... И тут «группенфюрер» резко повернулся; в его руке блеснул нож. Эсэсовец даже не успел понять, что произошло; нож Шубина вошел ему прямо в сердце. После этого разведчик крикнул, обращаясь к людям, стоявшим у вагонов:

– Бегите! Чего вы стоите? А ну, бегом!

И эта команда подействовала. Люди кинулись врассыпную. Тут конвоиры опомнились, загремели выстрелы, началась суматоха. В этой суматохе Шубин затащил труп эсэсовца за трансформаторную будку, в темноту. Там он снял с тела фрица форму, стащил сапоги и засунул одежду и обувь немца себе под плащ. С этим грузом он покинул вокзал и направился к своей машине.

Виктор Степанчук все так же сидел за рулем, страшно встревоженный. Он не знал причины паники на станции, возникшей стрельбы и не ждал от происходящего ничего хорошего. Шубин сел на заднее сиденье и скомандовал:

– Вперед! И можно ехать чуть побыстрее, чем раньше!

Мотор взревел, и машина покатила прочь от вокзала. Когда они проехали несколько кварталов, водитель спросил:

– И куда теперь? Поедем искать место для ночлега?

– Нет, – ответил Шубин. – О ночлеге будем думать позже. Сейчас мы едем на фронт!

Глава 6

Когда они выехали из города, уже наступила ночь. На КПП их вновь не остановили, но Шубин понимал, что рано или поздно на каком-нибудь пункте бдительный лейтенант обратит внимание на странного водителя группенфюрера – мужчину в обычной одежде, какую носят русские. Поэтому, как только им попалась боковая дорога, он приказал Степанчуку съехать на нее и остановиться. Когда их не стало видно с трассы, он велел водителю выйти из машины и облачиться в форму, снятую с убитого эсэсовца.

– Эта одежда должна прийтись тебе впору, – сказал он. – Правда, там на спине должен быть разрез под лопаткой, и кровь должна была натечь, но тут уж ничего не поделаешь. Разрез позже можно будет зашить, кровь застирать. А пока не будешь вертеться перед немцами в этих обновках – и все будет хорошо.

Форма пришлась Степанчуку впору, словно на него была сшита. Старую одежду водителя положили в багажник, где уже лежала форма ефрейтора Кнехта, после чего Степанчук снова сел за руль, и они продолжили путь в сторону станицы Манычской. Ехать было долго, около двух часов, и Шубин решил поспать. Но прежде чем погрузиться в сон, надо было дать водителю четкие инструкции насчет дальнейшего маршрута.

– Как доедешь до развилки, повернешь направо, в сторону Сальска, – сказал он. – Но до самого Сальска ехать не нужно – доберешься до хутора Веселый и там меня разбудишь. Там, в Веселом, и заночуем.

– Где-нибудь в стогу? – спросил Степанчук.

– Зачем в стогу? – удивился разведчик. – В доме, выделенном для генерала Келлермана или для его начальника штаба. Будем вторую немецкую танковую армию инспектировать.

До хутора Веселый они доехали ближе к полуночи. Здесь Степанчук разбудил Шубина и получил от него новые инструкции.

– С этого момента – ни слова по-русски, – потребовал разведчик. – Вспоминай свой запас немецких слов, какой он у тебя есть. Но в присутствии немцев лучше рот не раскрывай. Помалкивай. Когда подъедем к штабу, ты должен выскочить и открыть мне дверцу. Понятно? Почтительно так откроешь и будешь держать, пока я не выйду. Я выйду, скажу тебе: «Подожди меня здесь». Ты немного отъедешь от крыльца и встанешь. Если из штаба выйдет ординарец и будет тебе показывать, где надо встать, постарайся его понять. Слова «налево», «направо», «прямо» знаешь?

– Знаю, – отвечал водитель.

– Ну, а если чего не поймешь, отвечай «Яволь!», то есть «слушаюсь», не ошибешься. Но вообще-то старайся не разговаривать. Да, и вот еще что. Ты должен иметь немецкое имя. Пускай ты будешь зваться... Скажем, Вернер Фельдман. Это как бы перевод твоей русской фамилии. Ты будешь «полевой человек», или Степняк. Запомнил? Ну-ка, повтори.

Степанчук несколько раз повторил свое немецкое имя, после чего Шубин велел ему ехать дальше.

Через полчаса они въехали в хутор Веселый. Часовые, дежурившие при въезде в хутор, увидев лимузин, взяли «на караул». И когда машина подъехала к дому, где разместился штаб, там у крыльца уже стояли в ожидании сам генерал Келлерман, его начальник штаба и несколько офицеров. Шубин, увидев встречавших, удивился такой проницательности генерала. Он бы меньше удивлялся, если бы знал, что генерал Гот еще накануне обзвонил всех командующих немецких частей в этом районе и предупредил о визите инспектора.

Водитель Фельдман не ударил в грязь лицом: как только машина остановилась, он выскочил, открыл дверцу, через которую должен был выйти пассажир, и согнулся в поклоне. Шубин вышел и направился к крыльцу, даже не оглянувшись на своего водителя. А водитель сел на

свое место, и к нему тут же подскочил ординарец генерала. Он разразился потоком слов, в котором водитель с трудом, но все же разобрал слово «налево».

– Яволь, герр офицер! – ответил он и поехал налево. Там он увидел пару машин и мотоцикл, стоявших под навесом, затянутым маскировочной сеткой, и поставил свою машину рядом.

Между тем Шубин приветствовал командира немецкой танковой армии, его начальника штаба, командиров дивизий и в их сопровождении вошел в штаб. И следующие два часа он был занят исключительно делом: выслушивал рассказ начальника штаба о положении на фронте, рассказ самого Келлермана о планах по отражению натиска русских, а затем задавал вопросы. Вопросы группенфюрера все были тоже исключительно деловитыми и показывали глубокое понимание обстановки. И здесь, как и в штабе генерала Гота, комендант Ростова закончил совещание требованием срочно разработать планы более активных действий германских войск.

Когда все участники совещания разошлись, командир армии спросил высокого гостя, будет ли тот ночевать здесь, в расположении армии.

– Я это просто на всякий случай спрашиваю, – объяснил Келлерман. – Вообще-то в такое позднее время ехать куда-то вдоль линии фронта небезопасно. Так что мы уже приготовили вам место для ночлега.

– Спасибо, генерал, – поблагодарил «группенфюрер». – Знаете, я и правда не буду рисковать и воспользуюсь вашим любезным приглашением. А как насчет моего водителя?

– О нем тоже позаботятся – его разместят вместе с денщиками, – ответил генерал.

– Вы знаете, тут я с вами не соглашусь, – заявил Шнейдер. – Дело в том, что мой водитель Фельдман выполняет при мне также обязанности денщика. Так что мне бы хотелось, чтобы он спал неподалеку от меня. Если вам будет нетрудно, прикажите его переместить.

Генерал Келлерман заверил, что ему это будет совсем нетрудно, и отдал нужные распоряжения. Вообще-то для выполнения причуды высокого гостя пришлось переместить заместителя начальника штаба армии, но не будешь ведь это объяснять господину Шнейдеру!

Уже прощаясь с группенфюрером, генерал Келлерман заметил:

– Знаете, господин группенфюрер, до меня донесся слух, что вы уже должны быть в Германии. Говорят, что фюрер лично предоставил вам двухнедельный отпуск...

Комендант Ростова в ответ на эти слова еще выше вздернул голову, отчего стал выглядеть еще надменнее.

– Да, наш фюрер действительно предоставил мне возможность отдохнуть, – сказал он. – Но я подумал и решил отказаться от такой возможности. Разве можно думать об отдыхе в такое время, когда наша армия ведет трудную битву за Кавказ? Об отдыхе можно будет подумать позже, когда мы погоним русских назад в их степи. Так что спасибо за ваше внимание, генерал, но я еще некоторое время побуду с вами. А сейчас – спокойной ночи!

– Спокойной ночи, господин группенфюрер! – сказал Келлерман, удаляясь.

А гость дождался, пока придет его водитель. Они еще некоторое время совещались. Причем если бы кто-то из штаба мог услышать их разговор, он бы с удивлением обнаружил, что комендант Ростова и его водитель Фельдман говорят по-русски...

Ночью оба визитера спали отлично. А утром, явившись на завтрак в столовую при штабе, комендант Ростова узнал «плохие» новости, поступившие ночью. Оказывается, этой ночью соседи, две дивизии генерала Гота, выполняя директиву группенфюрера о проведении активных наступательных действий, предприняли попытку наступления в районе к северу от станицы Манычской. По данным разведки, в этом районе было мало русских частей, поэтому немцы рассчитывали прорвать русский фронт возле Дона и продвинуться вдоль реки. Можно было даже рассчитывать занять станицы Багаевскую и Семикаракорск. Однако немцы неожиданно столкнулись не просто с сопротивлением русских – они наткнулись на превосходящие их

силы советских частей. Передовые части немецких войск были буквально сметены, противник устремился в образовавшуюся брешь и грозил прорваться к Батайску – ключевому пункту всей немецкой обороны. Фельдмаршалу Манштейну, разбуженному среди ночи, пришлось лично вмешаться в ситуацию и перебросить в район прорыва части, которые он берег для наступления на север, в направлении Морозовской.

Еще одной новостью, обсуждавшейся в столовой, стало внезапное исчезновение переводчика, служившего в штабе генерала Гота, некоего капитана Петерса. Он исчез буквально за несколько часов до того, как к нему нагрянули агенты гестапо, чтобы его арестовать. Оказывается, капитана Петерса разоблачили как русского резидента.

Почему-то все эти тревожные новости нисколько не взволновали коменданта Ростова. Генерал Келлерман, по правде говоря, опасался, что после получения таких известий группенфюрер захочет остаться в его штабе, чтобы лично проверить готовность войск к отражению возможной атаки русских. Однако господин Шнейдер, услышав о прорыве русских ночью, почему-то и бровью не повел. И не изменил своих планов – он намеревался ехать вдоль линии фронта дальше, в район Сальска. «Ну и поезжай, без тебя мне будет легче командовать», – подумал генерал Келлерман и с облегчением попрощался с высоким визитером.

А Шубин тоже, в свою очередь, с облегчением попрощался с гостеприимным хозяином. Ему надо было поскорее передать полученные данные в штаб. И еще хотелось поделиться с водителем радостным известием о разгроме немцев на берегу Дона. Но сначала надо было заправить лимузин – бензобак был практически пустой. Однако с заправкой никаких проблем не возникло – танкисты залили бензобак горячим доверху. Затем лимузин выехал из Веселого и направился в сторону Сальска. По пути Шубин рассказал водителю о полученных радостных известиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.